

ДОН НИГРО

РЕЙВЕНСКРОФТ

Дон Нигро
Рейвенскрофт

«Автор»

1991

Нигро Д.

Рейвенскрофт / Д. Нигро — «Автор», 1991

Дон Нигро «Рейвенскрофт/Ravenscroft/1991». Из цикла «Инспектор Раффинг». 6 актеров (5 женских и 1 мужская роль). В уединенный особняк, где произошло убийство (а может, несчастный случай), в котором проживают пять женщин, прибывает инспектор Раффинг. Классический закрытый детектив. Но Агата Кристи отдыхает. С такой буйной женской фантазией Пуаро никогда бы не справился. А Раффинг ничего, справляется. И напряженность расследования прекрасно уживается с легкостью и даже веселостью текста. Как и положено качественному закрытому детективу, развязка совершенно неожиданная. Будь это книга, такая концовка вполне устроила бы читателя, но зрители точно вышли бы из зала с чувством легкой неудовлетворенности. Дон Нигро это прекрасно понимает, и добавляет еще один поворот сюжета, гарантирующий бурю аплодисментов. Одна из самых популярных пьес Дона, идущая на сценах многих российских театров.

© Нигро Д., 1991

© Автор, 1991

Содержание

Действующие лица	6
Место и время	7
Действие первое	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дон Нигро
Пять жар-птиц в поместье
ворона¹ (Рейвенскрофт²)

«Подумай, как дорого придется заплатить, если поймают, и, возможно, такие мысли вселят большую любовь к правде».

Бен Джонсон³

³ Бен Джонсон (1572-1637) – английский поэт, драматург, актёр, теоретик драмы.

Действующие лица

РАФФИНГ – инспектор, 40 лет

МАРСИ – гувернантка, 25 лет

МИССИС РЕЙВЕНКРОФТ – хозяйка поместья, 35 лет

ГИЛЛИАН – ее дочь, 17 лет

ДОЛЛИ – служанка, 20 лет

МИССИС ФРЕНЧ – домоправительница, 38 лет

Место и время

Уединенный особняк в сельской местности, декабрь 1905 г.

Действие первое

Декорация простая: письменный стол, диван, кожаное кресло, несколько деревянных стульев, место для спиртного. Мебель реальная, но библиотека, в которой инспектор РАФФИИНГ проводит всю пьесу, очерчена не стенами, а светом, и пять женщин, которые на сцене (зрители видят их постоянно) всю пьесу, порознь сидят в тених в глубине сцены или где-то еще, когда инспектор опрашивает одну. Женщины выходят под свет, только когда находятся с инспектором в одной комнате, и уходят в тень, но не из нашего поля зрения, когда покидают библиотеку. Таким образом, по ходу пьесы они всегда, в прямом смысле этого слова, на периферии его – и нашего сознания, а выходом под свет любая из них показывает, что в этом конкретный момент его внимание сфокусировано именно на ней. Никто не замирает на месте, актрисы не выходят из роли. Переходы происходят максимально плавно, картины переливаются одна в другую, и актрисы могут задержаться в освещенной зоне на несколько мгновений после начала следующей картины. Промежутков между картинами нет, затемнений тоже. Ни при каких обстоятельствах пьесе не должна ставиться со стенами, дверьми, в привычном замкнутом навильоне. Выйти под свет – все равно, что выйти на первый план сознания РАФФИИНГА. Уйти в тень все равно, что сместиться на периферию сознания, но не покинуть его полностью. Движение пьесы всегда составляющая ее часть.

(Занавес поднимается. Тикают часы. Свет медленно зажигается в библиотеке и в окружающих ее тених. МАРСИ стоит на авансцене справа, смотрит в зал через несуществующее окно. РАФФИИНГ позади нее, тоже стоит. Остальные четыре женщины сидят в глубине сцены или где еще, они четко видны, но окутаны тенью).

РАФФИИНГ. Боюсь, мне придется задать вам несколько вопросов.

МАРСИ. Начинается снег.

РАФФИИНГ. Мисс Клейнер? Вы слушаете?

МАРСИ. Да, но не вас. Почему вы боитесь?

РАФФИИНГ. Простите?

МАРСИ. Вы сказали, что боитесь задавать вопросы.

РАФФИИНГ. Нет, нет, я боюсь, что мне придется спросить вас...

МАРСИ. Вот, вы это повторили.

РАФФИИНГ. Но это вежливое извинение за причинение некоторых неудобств, а не свидетельство страха.

МАРСИ. То есть вы не боитесь задавать вопросы? Вы любите задавать вопросы?

РАФФИИНГ. Задавать вопросы – моя работа. Именно этим и занимаются инспекторы полиции.

МАРСИ. Почему так?

РАФФИИНГ. Потому что нам нужно найти правду, разумеется.

МАРСИ. А почему вам нужно найти правду?

РАФФИИНГ. Чтобы изобличить и наказать людей, которые совершают преступления.

МАРСИ. И почему их необходимо изобличать и наказывать?

РАФФИИНГ. Мисс Клейнер, мы теряем время.

МАРСИ. То есть когда вопросы задаю я, это потеря времени, а когда вы – нет?

РАФФИИНГ. Ваша работа – не задавать вопросы, а отвечать на них, правильно?

МАРСИ. Неужели? Это правильно?

РАФФИИНГ. Вы работаете здесь гувернанткой?

МАРСИ. Если вы так озабочены потерей времени, почему задаете вопрос, ответ на который вам уже известен?

РАФФИНГ. На вашем месте я бы относился к происходящему чуть более серьезно, мисс Клейнер.

МАРСИ. Почему вы это делаете?

РАФФИНГ. Потому что погиб человек.

МАРСИ. Да, это достаточно серьезно, очень даже серьезно. В этом я с вами согласна. Я работаю гувернанткой и компаньонкой Гиллиан, мисс Рейвенскрофт.

РАФФИНГ. Можете вы рассказать, что произошло?

МАРСИ. Патрик Рорк набросился на меня, я его оттолкнула. Он упал с лестницы и умер.

РАФФИНГ. А напал он на верхней площадке лестницы?

МАРСИ. Он пытался вломиться в мою комнату. Я вырвалась и убежала. Он догнал меня на верхней площадке лестницы, и я его оттолкнула. Он потерял равновесие и покатился вниз.

РАФФИНГ. А почему вы открыли ему дверь в свою комнату?

МАРСИ. Я не открывала ему дверь. Я зашла к Гиллиан. Она неважно себя чувствовала, и я заглянула к ней, чтобы посмотреть, все ли в порядке. Она спала. Я посидела у нее с минуту, не больше. Было холодно, а я была в одной лишь ночной рубашке.

РАФФИНГ. У вас это привычка – расхаживать по дому в ночной рубашке?

МАРСИ. Моя комната напротив комнаты Гиллиан. Было поздно. Патрику не разрешалось подниматься наверх. Кроме него в доме только женщины. Для меня обычное дело – проводить Гиллиан ночью. Время от времени ей снятся кошмары. И всегда я провожу в ее комнате очень короткое время.

РАФФИНГ. Но в эту конкретную ночь Патрик оказался наверху.

МАРСИ. Да.

РАФФИНГ. Не знаете, почему?

МАРСИ. Нет.

РАФФИНГ. Вы не думаете, что он поднялся наверх с тем, чтобы напасть на вас?

МАРСИ. Я не знаю.

РАФФИНГ. Где он был, когда вы вышли из комнаты Гиллиан?

МАРСИ. В коридоре было темно. Думаю, затаился в тених. Я как раз открывала дверь моей комнаты, когда почувствовала, как он хватает меня.

РАФФИНГ. Вы не закричали?

МАРСИ. Одной рукой он зажал мне рот и приказал молчать. Он был очень сильным. Я начала вырываться, и в какой-то момент мне это удалось. Я побежала к лестнице.

РАФФИНГ. И не позвали на помощь?

МАРСИ. Все произошло так быстро. Я очень напугалась. И просто хотела убежать.

РАФФИНГ. Раньше Патрик вас домогался?

МАРСИ. Нет. Хотя... да, несколько раз.

РАФФИНГ. И что происходило в тех случаях?

МАРСИ. Тогда мне удавалось не подпускать его к себе.

РАФФИНГ. Вы сообщали об этих происшествиях миссис Рейвенскрофт?

МАРСИ. Нет.

РАФФИНГ. Почему?

МАРСИ. Не хотела беспокоить ее по таким делам. Тогда я не думала, что это очень серьезная проблема. Грубостью и склонностью к насилию он не отличался. Я решила, что справлюсь сама.

РАФФИНГ. То есть вы никому не говорили?

МАРСИ. Да.

РАФФИНГ. Я нахожу, что в это трудно поверить.

МАРСИ. Правда? Почему?

РАФФИНГ. Это может быть истолковано... Если результатом этого происшествия станет официальное расследование с последующим судом, сам факт, что вы никому ничего не сказали о его прежнем непристойном поведении, может быть истолкован, как поощрение его домогательств.

МАРСИ. Не мое это дело, подстраиваться под ничем не обоснованные умозаключения похотливых кретинов.

РАФФИНГ. Тогда, пожалуйста, скажите мне, почему вы ничего не сказали миссис Рейвенскрофт?

МАРСИ. Я боялась потерять свое место.

РАФФИНГ. Но как вы могли потерять свое место, просто доложив о неприемлемом поведении другого наемного работника?

МАРСИ. Потому что Патрик, скорее всего, сказал бы миссис Рейвенскрофт, что... Весь этот разговор крайне мне неприятен.

РАФФИНГ. Сказал бы ей что?

МАРСИ. Что я поощряла его домогательства, возможно, даже пыталась его соблазнить, что я на самом деле та самая потаскуха, за которую мог бы принять меня ваш гипотетический присяжный.

РАФФИНГ. И сколь много из этого правда?

МАРСИ. Нет в этом ни грана правды.

РАФФИНГ. Тогда почему вы так боялись сказать?

МАРСИ. Я не знала, кому она поверит. Патрик проработал здесь гораздо дольше меня, и он был очень красноречивым. И очень обаятельным. Из тех мужчин, которые могли убедить кого угодно в чем угодно.

РАФФИНГ. Но он не смог убедить вас стать его любовницей?

МАРСИ. Да.

РАФФИНГ. Вы, похоже, не очень высокого мнения об интеллектуальных способностях миссис Рейвенскрофт?

МАРСИ. Вы никогда не работали в частном доме, инспектор?

РАФФИНГ. Разумеется, нет.

МАРСИ. Тогда вы ничего в этом не понимаете, так?

РАФФИНГ. Не разговаривайте со мной в таком тоне.

МАРСИ. Но вы разговариваете со мной свысока.

РАФФИНГ. Я расследую убийство и вы – подозреваемая.

МАРСИ. Это было не убийство, а несчастный случай. Я – одинокая женщина в чужой стране. У меня нет денег, и идти мне некуда. Я в полной зависимости от моих работодателей и, похоже, облеченных властью самодуров, вроде вас.

РАФФИНГ. В чужой стране?

МАРСИ. Я родилась в Вене.

РАФФИНГ. Вы очень хорошо говорите на английском.

МАРСИ. Моя мать была американкой. Я говорю на английском, немецком, французском и итальянском.

РАФФИНГ. Это впечатляет. Как столь одаренная молодая женщина оказалась здесь?

МАРСИ. Покойный муж миссис Рейвенскрофт дружил с местным священником, который, в свою очередь поддерживал самые добрые отношения с матерью-настоятельницей монастыря в Австрии, где я жила до переезда сюда. Им требовалась молодая женщина, которая могла бы обучать их дочь иностранным языкам и быть ей компаньонкой.

РАФФИНГ. Вы были монахиней?

МАРСИ. Нет. Я жила в монастыре, уйдя с одного места работы и не получив другое. Сестры очень тепло относились ко мне.

РАФФИНГ. А что вы делали раньше?

МАРСИ. Работала гувернанткой в Вене.

РАФФИНГ. Почему вы ушли с прежнего места работы?

МАРСИ. Необходимость в моих услугах отпала. Позвольте мне уйти? Я очень устала.

РАФФИНГ. Я захочу поговорить с вами снова после того, как побеседую с остальными.

МАРСИ. Я уверена, что захотите. Прошу меня извинить.

РАФФИНГ. Мисс Клейнер?

МАРСИ. Да?

РАФФИНГ. У меня нет намерения оскорбить вас или расстроить. Я знаю, вам это трудно, но я всего лишь выполняю свою работу. Надеюсь, вы это понимаете.

МАРСИ. Могу я уйти?

РАФФИНГ. Да.

МАРСИ. Как мило.

(Она уходит и садится в тени. РАФФИНГ стоит в задумчивости, когда под свет выходит МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ).

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Я надеюсь, вы не сильно расстроили бедную Марси. Она такая трепетная, и это ужасное происшествие потрясло ее до глубины души. Святой Боже, вы посмотрите, как валит снег. Вам будет нелегко добраться сегодня домой, инспектор.

РАФФИНГ. Миссис Рейвенскрофт, как давно работает у вас мисс Клейнер?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Марси здесь шесть месяцев. *(ДОЛЛИ выходит под свет и нервно смотрит на них)*. Думаю, шесть месяцев. Шесть месяцев, Долли?

ДОЛЛИ. Да, госпожа. Я не знаю, госпожа. Думаю, так.

РАФФИНГ. Вы находите ее работу удовлетворительной?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Пожалуй, да. Что тебе, Долли?

ДОЛЛИ. Вы хотите чая, госпожа?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Желаете чая, инспектор?

РАФФИНГ. Нет, благодарю. Мне ничего не нужно.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Нам ничего не нужно, Долли. Если только инспектор не хочет сдобную булочку.

РАФФИНГ. Она лишь удовлетворительная?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Нет, сдобы великолепные. Их печет миссис Френч.

РАФФИНГ. Я говорю о работе мисс Клейнер.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Нет, не думаю, что мисс Клейнер сможет испечь сдобные булочки. Правда, однажды она испекла изумительный штрудель. Она родом из Вены, знаете ли. Долли, ты помнишь штрудель Марси?

ДОЛЛИ. Да, госпожа. Помню. Очень липкий.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Может, желаете штрудель, инспектор?

ДОЛЛИ. У нас нет штруделя, госпожа.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Но я уверена, что Марси приготовит штрудель, если инспектор захочет его попробовать.

РАФФИНГ. Я не хочу штрудель, спасибо.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Премного благодарна вам за понимание, инспектор, потому что если честно, я не могу обещать, учитывая состояние Марси, что штрудель будет отменного качества. Тебе нужно что-то еще, Долли?

ДОЛЛИ. Нет, госпожа.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Тогда не стой здесь, как деревянный индеец, иди за сдобами. Нет, не надо, просто спросил у Марси, будут ли они с Гиллиан пить чай.

ДОЛЛИ. Да, госпожа. Благодарю, госпожа. *(Уходит в тени)*.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Она действительно очень глупая.

РАФФИНГ. Я думал, она говорит на четырех языках.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Долли? Да она едва говорит на английском.

РАФФИНГ. Я про мисс Клейнер.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Так бы сразу и сказали, инспектор, а то ходите вокруг да около. Ее отца лошадь лягнула в голову.

РАФФИНГ. В Вене?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Нет, на конюшне. А-а, вы опять про Марси. Не уверена, что ее родители держали лошадей. Ее отец, кажется, был художником. Она – милое существо, но у меня то и дело возникает ощущение, что она слабоумная. Я про Долли. Марси – та не слабоумная, говорит на четырех языках. Разумеется, мой муж был лингвистом в Оксфорде, да только особым умом не отличался. Но Марси действительно умная женщина. Мне нравится, когда женщина образованная, во всяком случае, в разумных пределах.

РАФФИНГ. Случалось ли вам выражать недовольство поведением мисс Клейнер?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Моя дочь очень к ней привязалась. Она оказалась хорошей учительницей и превосходной компаньонкой. Так что не могу сказать, что у меня были для этого серьезные причины.

РАФФИНГ. Я чувствую, вы чего-то недоговариваете.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Я на эти выходные собиралась в Лондон, а из-за случившегося мне пришлось отменить поездку.

РАФФИНГ. И вы вините в этом мисс Клейнер?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Нет, я ни в чем не виню Марси.

РАФФИНГ. Как давно работал у вас Патрик?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. С тех самых пор, как мерин лягнул Бемиса в голову. Отца Долли. После этого он стал всем говорить, что он – сын королевы Виктории от Джека-Потрошителя. Нам пришлось его пристрелить. Мерина. Избавили от мучений. Что это за жизнь для жеребца. Бемиса поселили на чердаке и взяли Патрика. Лет десять или одиннадцать тому назад Я помню, снег шел и тогда.

РАФФИНГ. И какие у Патрика были обязанности?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Кучер, конюх, лакей, ремонтник, садовник. Он замечательно ухаживал за моим фикусом. Хотите на него взглянуть.

РАФФИНГ. Как я понимаю, рукастый был парень?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Да, за что бы ни брался, работа у него спорилась.

РАФФИНГ. Вам никто не говорил о его недостойном поведении в отношении других наемных работников?

МИССИС ФРЕНЧ (*выходит под свет*). Извините, мадам, можно ставить мясо?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Вы останетесь на ужин, инспектор?

РАФФИНГ. Нет, благодарю вас.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Да, ставьте миссис Френч. Чувствую, нам всем очень скоро мясо понадобится.

МИССИС ФРЕНЧ. Да, мадам. (*Смотрит на РАФФИНГА и уходит в тени*).

РАФФИНГ. Так было такое?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Было что?

РАФФИНГ. Вы подозревали, что Патрик мог недостойно вести себя по отношению к другим работникам? Точнее, работницам.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Он был обаятельным молодым человеком. Как я понимаю, Долли в него влюбилась, но она невероятно глупа. Разумеется, ничего серьезного не было, я в этом совершенно уверена.

РАФФИНГ. Но мы говорим о красивом, здоровом молодом мужчине двадцати восемью лет от роду. Такому просто необходима женская компания.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Так он был весьма популярен среди девушек в деревне, но мне никто и никогда не говорил, что даже там он набрасывался на женщин, не говоря уже о моем доме. Такому красавчику не было никакой необходимости брать что-то силой. Но если бы до меня дошли такие слухи, я бы незамедлительно вызвала его на ковер.

РАФФИНГ. Что произошло в ночь его смерти?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Я пошла спать около десяти часов. Минут двадцать почитала, Байрона или Россетти, что-то фривольное. Способствует приятным снам. Потом выключила свет и сразу отрубилась. Эта особенность у меня с детства, всегда бесила моего мужа. Какое-то время спустя меня разбудил шум в коридоре. Я надела халат, вышла из спальни и обнаружила Марси на верхней лестничной площадке, а бедный Патрик лежал внизу, словно тряпичная кукла. Я позвала миссис Френч, спустилась вниз, но бедный Патрик уже умер. У меня сложилось впечатление, что сломал шею. Я послала Долли за доктором, и я уверена, он может подтвердить...

РАФФИНГ. Да, я говорил с доктором. И что рассказала вам о происшествии мисс Клейнер?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Сначала она ничего не говорила. Стояла столбом на верхней площадке. Потом из своей комнаты вышла Гиллиан. Марси загородила ей путь, чтобы Гиллиан не увидела Патрика, но Гиллиан увидела, и очень расстроилась. Ей только семнадцать, а зрелище было жуткое: свернутая шея, пустые глаза, уставившиеся в потолок... Конечно, у Гиллиан началась истерика. Тогда Марси увела мою дочь в ее спальню. Я оставила миссис Френч внизу, а сама пошла к Гиллиан.

РАФФИНГ. Вы спросили Марси, что случилось?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Она сказала, это был несчастный случай.

РАФФИНГ. Она не упомянула о том, что Патрик набросился на нее?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. При Гиллиан – нет. Сказала позже, когда мы были вдвоем.

РАФФИНГ. И что она вам сказала?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Она сказала, что Патрик пытался затолкнуть ее в спальню, она сопротивлялась, вырвалась, побежала, он догнал ее на верхней лестничной площадке, в схватке с ней потерял равновесие и упал вниз. Боюсь, это все, что мне известно.

РАФФИНГ. Вы поверили в услышанное от нее?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Не видела оснований не верить. А вы не поверили?

РАФФИНГ. Но, по вашим же словам, вы и представить себе не можете, чтобы Патрик напал на женщину.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Дело в том, что от Патрика, когда я его нашла, пахло спиртным. Все знали, что он время от времени прикладывался к бутылке, и я предупредила его, что выгоню, если он будет пить на работе. После этого никогда не видела его выпившим. И вот что мне очень даже понятно. Трезвыми люди никогда не позволили бы себе такое, что вытворяют под влиянием алкоголя. А Марси молодая и очень красивая. Конечно же, вы это заметили.

РАФФИНГ (*после короткого раздумья*). Я могу перемолвиться парой слов с вашей дочерью?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Мне бы этого не хотелось. Она до сих пор сама не своя.

РАФФИНГ. Я должен опросить всех, кто находится в доме, и чем раньше, тем лучше.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Хорошо. Раз должны, значит, должны. Но будьте с ней поделикатнее. Она такая хрупкая. Вы постараетесь говорить с ней мягко? Я вижу, что вы человек добрый.

(*ГИЛЛИАН выходит под свет. МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ проплывает мимо нее, они переглядываются, МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ уходит в тени*).

РАФФИНГ. Мисс Рейвенскрофт, можете вы рассказать мне, что произошло прошлой ночью?

ГИЛЛИАН. Патрик умер.

РАФФИНГ. Да, но что вы слышали, что видели?

ГИЛЛИАН. Они вам не сказали?

РАФФИНГ. Я поговорил с вашей матерью и мисс Клейнер, но мне нужно выслушать каждую из вас.

ГИЛЛИАН. Почему? Вы думаете, они лгут?

РАФФИНГ. Это правило, которому я должен следовать.

ГИЛЛИАН. Но почему?

РАФФИНГ. Потому что такой порядок.

ГИЛЛИАН. Все произошло, как они и говорят.

РАФФИНГ. Вы находились в своей комнате?

ГИЛЛИАН. Так они вам сказали?

РАФФИНГ. Миссис Рейвенскрофт...

ГИЛЛИАН. Меня зовут Гиллиан. А вас?

РАФФИНГ. Инспектор Раффинг.

ГИЛЛИАН. Нет, так мы должны вас называть на людях. А какое у вас имя?

РАФФИНГ. Мое имя – Джон.

ГИЛЛИАН. Значит, когда никого не будет рядом, чтобы указывать нам, что делать, что говорить и как обращаться друг к другу, я буду называть вас Джон, вы меня – Гиллиан, и мы будем больше напоминать настоящим людям, хорошо? Мне так больше нравится.

РАФФИНГ. Хорошо.

ГИЛЛИАН. Вы женаты, Джон?

РАФФИНГ. Моя жена умерла.

ГИЛЛИАН. Я вас понимаю. Мой отец умер.

РАФФИНГ. И когда он умер?

ГИЛЛИАН. В сентябре.

РАФФИНГ. В сентябре этого года?

ГИЛЛИАН. Да.

РАФФИНГ. Сожалею. Не подозревал, что произошло это столь недавно.

ГИЛЛИАН. А когда умерла ваша жена?

РАФФИНГ. Четыре года тому назад.

ГИЛЛИАН. У вас есть дети?

РАФФИНГ. Дочь, вашего возраста.

ГИЛЛИАН. И как ее зовут?

РАФФИНГ. Мэри.

ГИЛЛИАН. Она похожа на вас?

РАФФИНГ. Она похожа на ее мать.

ГИЛЛИАН. У вас есть ее фотография?

РАФФИНГ. Вот. Вот она. (*Достает карманные часы и открывает*). Это моя жена, а это моя дочь, какой она была в тринадцать лет. Фотографию сделали незадолго до смерти моей жены.

ГИЛЛИАН. Какие они красивые. Отчего она умерла?

РАФФИНГ. Осложнения после родов. Несколько недель спустя.

ГИЛЛИАН. Ох. И ребенок, полагаю, тоже умер. Я хочу сказать, беременной она не выглядит, а фотографии младенца нет.

РАФФИНГ. Да. Все так. Вы очень наблюдательная.

ГИЛЛИАН. Она знала, что скоро умрет?

РАФФИНГ. Я уверен, что да. Хотела, чтобы ее сфотографировали с дочерью, и фотография осталась мне на память.

ГИЛЛИАН. Она вас любила.

РАФФИНГ. Поэтому, сами видите, я что-то понимаю о ваших чувствах.

ГИЛЛИАН. Возможно.

РАФФИНГ. Вы хорошо относились к Патрику?

ГИЛЛИАН. Патрик был таким забавным. Знал, что нужно сделать, чтобы женщина почувствовала себя счастливой. Но при этом знал, как сделать женщину несчастной. Наверное, первое всегда идет руку об руку со вторым. В смысле одно практически неизбежно ведет к другому.

РАФФИНГ. Иногда из-за него вы чувствовали себя несчастной?

ГИЛЛИАН. Это обычное дело, чувствовать себя несчастным из-за кого-то. Мы были хорошими друзьями.

РАФФИНГ. У Патрика в доме были другие хорошие подруги? Он прилаживался к мисс Клейнер?

ГИЛЛИАН. Она ему очень нравилась. Нам всем она нравится. Мы все любим Марси. За исключением разве что миссис Френч и мамы, но иногда так трудно понять, кого или что любит мама. По части любви с ней сложно. Я думаю, Марси – самая красивая женщина, которую я только видела. А вы?

РАФФИНГ. Вы слышали что-нибудь прошлой ночью, до того, как вышли из своей комнаты?

ГИЛЛИАН. Вы не хотите быть моим другом, вам просто нужно вызнаться все, что я знаю. Не думаю я, что это пристойно. Особенно непристойной представляется мне ваша попытка добиться моего благорасположения упоминанием своей дочери и бедной покойницы жены.

РАФФИНГ. Послушайте, Гиллиан, вы спросили меня о них, и я вам ответил. Я с радостью стал бы вашим другом, но в этом доме умер человек, и мне необходимо выяснить, что произошло.

ГИЛЛИАН. Почему?

РАФФИНГ. Потому что таков закон.

ГИЛЛИАН. И закон, естественно, важнее, чем реальный, живой человек, вроде меня.

РАФФИНГ. Патрик тоже был живым, а теперь он мертв. Закон нужен для защиты нас всех. Не могут одни люди сбрасывать других с лестницы, если вдруг у них возникает такое желание. Так слышали вы что-нибудь или нет?

ГИЛЛИАН. Нет.

РАФФИНГ. Но вы наверняка что-то слышали, иначе чего вам было выходить из комнаты.

ГИЛЛИАН. Логично. Пожалуй, я что-то слышала. Как скажем, Патрик бился о ступени, катясь вниз. Грохот наверняка был знатный, сапоги и все такое. Он всегда начищал сапоги до блеска, очень ими гордился. Скорее всего, в сапогах его и похоронят. Хотя это расточительство – выбрасывать зазря хорошую обувную кожу. Я хочу сказать, что ради этих сапог умерла корова.

РАФФИНГ. Мисс Клейнер только-только покинула вашу комнату?

ГИЛЛИАН. Когда?

РАФФИНГ. Перед тем, как вы услышали шум.

ГИЛЛИАН. Это она так вам сказала?

РАФФИНГ. Была она в вашей комнате или не была?

ГИЛЛИАН. Если она говорит, что была, так оно и было.

РАФФИНГ. Но вы ее не видели?

ГИЛЛИАН. Наверное, я спала. А что с ней сделают? Ее же не повесят? Это преступление – убивать такую красавицу.

РАФФИНГ. Почему ее должны повесить?

ГИЛЛИАН. За убийство Патрика, естественно.

РАФФИНГ. Так все произошло?

ГИЛЛИАН. Вы именно так думаете?

РАФФИНГ. А что думаете вы?

ГИЛЛИАН. Я – юная дама, мне думать не положено. В моем окружении такое не одобряется.

РАФФИНГ. Перестаньте, вы – умная девушка, у вас есть собственный взгляд на случившееся.

ГИЛЛИАН. Я думаю, его убил призрак.

РАФФИНГ. Призрак?

ГИЛЛИАН. Они вам не сказали? Нет, конечно, нет. В нашем доме призраки. Это правда. Мы делим дом с призраками. Призрак убил моего отца. А потом она убила Патрика.

РАФФИНГ. Этот призрак – женщина?

ГИЛЛИАН. Да. Я ее видела. Вам лучше проявлять осторожность, инспектор. Она, похоже, равнодушна к интересным мужчинам.

РАФФИНГ. Гиллиан, это не игра, это серьезное дело, очень серьезное, и вы должны говорить со мной, как взрослая. Не растрчивать мое время детскими историями про призраки. Поэтому перестаньте нести чушь и скажите правду.

ГИЛЛИАН. Конечно. Я просто дразнила вас. Все произошло, как они вам и рассказали. Уж не знаю, что они рассказали. Вы остаетесь на ужин, так? Миссис Френч – превосходная кухарка. Никогда не подсыпает яд тем, кто ей нравится. А вы такой интересный мужчина. Вы и мне нравитесь, и я думаю, что вы не такой чопорный, каким хотите казаться. Я не хочу, чтобы с вами что-то случилось. Что будет делать ваша бедная дочка Мэри, без такого симпатичного папочки? Останется круглой сиротой. Мне так хочется ею стать. Посмотрите на снег. Я люблю снег, а вы? Для меня это лучшее время года. *(Смотрит в воображаемое окно).*

(РАФФИНГ с тревогой смотрит на нее, МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ выходит под свет, а ГИЛЛИАН уходит в тень).

РАФФИНГ. Миссис Рейвенскрофт, ваша дочь... Даже не знаю, как лучше сформулировать вопрос. Вы сказали, что ваша дочь такая хрупкая... Я уверен, вы использовали именно это слово. Вы имели в виду ее физическое состояние или что-то еще?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Что-то еще?

РАФФИНГ. Она рассказала мне о призраках.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. О призраках?

РАФФИНГ. Она говорит, что Патрика Рорка убил призрак.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. И вы поверили?

РАФФИНГ. Разумеется, не поверил, но я нахожу крайне странным, что семнадцатилетняя девушка говорит такое полицейскому инспектору. Она уже не ребенок и...

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Ах, инспектор, но она ребенок. И не ребенок. Моя дочь пережила не одно эмоциональное потрясение. Ничего ужасного, но зачастую она неспособна отличить фантазии от реальности. Она стала гораздо лучше после приезда Марси. Что бы ни говорили о Марси, у нее очень развитое чувство реальности, и я заметила, что чувство это передается и Гиллиан. Она стали очень близки. Отчасти, думаю, потому, что смерть отца сильно расстроила Гиллиан.

РАФФИНГ. Но Марси приехала лишь полгода тому назад.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Да, в июне, тогда еще цвела жимолость. Она выглядела такой красивой, стоя на лужайке среди цветущих кустов жимолости. Я думаю, именно поэтому мой муж и нанял ее. Она выглядела точь-в-точь, как женщины с картин прерафаэлитов, его любимого периода в живописи.

РАФФИНГ. Но ваш муж умер в сентябре.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Да.

РАФФИНГ. Значит, смерть вашего мужа не могла стать причиной эмоциональных проблем вашей дочери.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Нет, она их только усугубила. Поэтому мы и наняли Марси.

РАФФИНГ. Но вы наняли Марси за три месяца до смерти вашего мужа.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. И что?

РАФФИНГ. Так когда впервые проявились эмоциональные проблемы?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Я думаю, вы слишком в это углубляетесь, инспектор. Она хорошая девочка, но иногда ей нравится играть с людьми. Для нее это забава.

РАФФИНГ. Она играет с людьми.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Да. Она игривая. Но это совершенно безобидно.

РАФФИНГ. Она часто играет с правдой?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Такое случается.

РАФФИНГ. Другими словами, она – лгунья.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Нет-нет, это не так, она никогда не лжет. Просто истолковывает реальность более творчески, чем большинство людей, по-своему, ради собственного удовольствия.

РАФФИНГ. Вы обращались к специалисту?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Моей дочери помощь специалиста не нужна. Вы видите ее в чрезвычайной ситуации. Сначала отец, теперь Патрик. Она так хорошо относилась к Патрику. Он был ей как старший брат. Надеюсь, у вас нет необходимости и дальше расстраивать. Вы должны остаться на ужин, инспектор. В доме так много еды, а большую часть съедал Патрик, которого уже нет с нами. У него был потрясающий аппетит. Просто удивительно, что он держал себя в такой отменной форме. Наверное, благодаря физическим упражнениям. Он постоянно поднимал гантели.

РАФФИНГ. Как умер ваш муж?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Мой муж?

РАФФИНГ. Да. Как он умер?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Свалился с лестницы.

РАФФИНГ. Свалился с лестницы?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Увы.

РАФФИНГ. С той самой лестницы?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Да.

РАФФИНГ. Точно, как Патрик?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Да. Точнее, нет. Патрика толкнули, тогда как мой муж просто упал.

РАФФИНГ. Минуточку. Правильно ли я понимаю? С промежутком в три месяца двое мужчин, проживавших в этом доме, найдены мертвыми у подножия одной лестницы, и никто не удосужился сказать мне об этом?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Вроде бы я только что сказала. Думаю, я. Наверняка я. Я узнала свой голос. Вы должны обращать внимание на то, что вам говорят, инспектор. Если не вы, тогда кто?

РАФФИНГ. Вы пытаетесь что-то от меня утаить?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Насколько мне известно, нет. Вы должны извинить меня за то, что недавнее падение моего мужа с лестницу не относится к моим любимым темам для разговора.

РАФФИНГ. Это я понимаю, но нахожу исключительно странным тот факт, что ранее никто не удосужился рассказать мне об этом. Даже доктор ничего не сказал.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Вероятно, он не знал. Он тут новенький. А моего муж лечил другой врач, старый добрый Док Уитерспун.

РАФФИНГ. Почему вы поменяли врача?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Выбора у нас не было. Док Уитерспун умер.

РАФФИНГ. Надеюсь, не упал с вашей лестницы?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Нет, насколько мне известно, чем-то подавился. Ему был девяносто один год, инспектор. Святой Боже, надеюсь, нет у вас мыслей, что мы обожаем сбрасывать с лестницы всех мужчин, посещающих наш дом?

РАФФИНГ. Дело становится более сложным, чем я предполагал.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Да, но в жизни это обычная история. Конечно же, вы это знаете, учитывая специфику вашей работы. Прошу меня извинить, должна проверить, не заснула ли миссис Френч у плиты.

РАФФИНГ. Миссис Рейвенскрофт, прежде чем приехать сюда, я просматривал дела моего предшественника, инспектора Маккаллоу, и не нашел упоминания о смерти вашего мужа.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Да, старина Берти Маккаллоу был милейшим человеком, но его компетентность вызывала серьезные сомнения. Старый, рассеянный, но в любом случае, но я не представляю себе, какое он мог завести дело. Это же был несчастный случай. Но если у вас есть вопросы, почему не позвонить Берти? Конечно, найти его будет непросто. Выйдя на пенсию, он уехал в Шотландию, на один из островов. Одному Богу известно, почему его туда потянуло, но, с другой стороны, только Бог знает, почему шотландцы хотят носить эти юбки. Не понимаю, как люди могут стремиться к одиночеству. Вокруг так много интересного. Что это за запах? Долли? ДОЛЛИ? Где эта девчонка? У нее не голова, а баклажан. ДОЛЛИ!

ДОЛЛИ (*выходит под свет, явно расстроенная*). Да, госпожа?

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. И что вы там делаете? Жжете мясо?

ДОЛЛИ. Нет, госпожа. Только подливу.

МИССИС РЕЙВЕНСКРОФТ. Ладно, это вроде бы ерунда. Прошу прощения, инспектор, но я должна проследить за ритуальным сжиганием подливы. Надеюсь, вы найдете, чем себя занять в мое отсутствие. Пойдем, Долли. (*Уходит в глубину сцены, в тень*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.